

Людмила Анатольевна Воробьева родилась в деревне Иказнь Витебской области. Окончила Минский институт культуры. Публиковалась в журналах «Берега», «Подъём», «Новая Немига литературная», «Нёман», «Белая Вежа», «Молодая гвардия», «Север» и др. Автор книг литературной критики «Душа слова», «Время жизни, любви и подвига», «Единство вечных истин». Лауреат Международных литературных премий им. Г. Бёлля (Германия), им. Н. Гоголя «Триумф», им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», литературной премии им. М. Булгакова. Член Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

Людмила Воробьева

«ПОСЛЕДНИЙ ЭТОГО ВЕКА...»

(К 90-летию поэта Владимира Кострова:
жизнь и творчество)

*Он ушел от родимого крова.
Гаснет день, остывает строка...
Помяните поэта Кострова,
Поле русское, роща, река! <...>*

*Не кумир, не записан в святые,
Но великую тайну словес
Знал, как знают шмели золотые
Да наполненный звуками лес.*

Виктор Кирюшин, «Сороковой день»

*Сорок дней на душе вологодская стынь,
И я плачу навзрыд бесконечные сутки.
Небосвод на мгновенье, Спаситель, раздвинь,
Дай услышать в раю мне костровские шутки.
Я приветствую вас, храбрый ангельский чин,
И смотрю в облака сквозь рассветный румянец,
Знаю: там, посреди святогорских вершин,
В ваших славных рядах костромской новобранец.*

Александр Орлов,
«Владимиру Андреевичу Кострову»

Поэты большого стиля и глобальных тем, равные личности Владимира Кострова, не уходят. Они остаются, свет их не только согревает, но и бросает лучи на тот особый мир, в котором обнаженной человеческой душе слишком горячо — изнутри. Владимир Костров — поэт-шестидесятник, но не «громкой», а «тихой» лирики. Это — один из самых признанных и значительных поэтов России. Человек-легенда, стоявший у истоков

нашей поэзии и, когда поэты собирали стадионы, выступавший вместе с Симоновым, Вознесенским, Евтушенко, Ахмадулиной. На нем была славная печать «шестидесятничества». Всегда при любых обстоятельствах он сохранял гуманизм и доброту. Поколение Владимира Кострова, Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Глеба Горбовского, Станислава Куняева, Ларисы Васильевой, Новеллы Матвеевой отличало общее стремление к высшей правде. По словам критика Льва Аннинского, то «поколение создавало само себя».

Мир поэзии Владимира Кострова широк и многообразен. Целая советская эпоха — зримо и достоверно — предстает в его произведениях. Величие образов, классическая поступь традиции отражаются в судьбе художника и в судьбе страны. Почва костровской поэзии вобрала в себя приметы исторические, бытовые, психологические, их выделяет своя собственная интонация и нравственная оценка событий. Но традиция не есть нечто однозначное и застывшее, как явление она развивается во времени и пространстве.

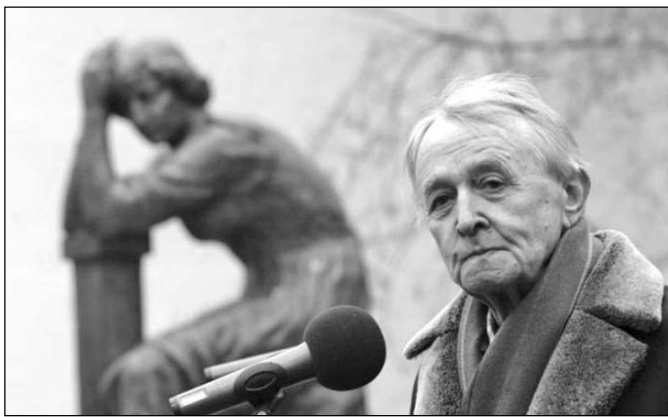
Детство будущего поэта прошло в деревне Власиха, что в Костромской области. «Я родился в 1935 году, в крестьянской семье, в глухой, совершенно затерянной деревне... в болотах, мхах, реках... Первое стихотворение сочинил в четвертом классе», — вспоминал он. Благодаря прекрасной школьной библиотеке уже в юном возрасте Владимир Костров хорошо знал русскую классику. Затем учился на химическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, работал инженером-изобретателем на Загорском оптико-механическом заводе. Впервые его стихотворение было опубликовано в 1957 году в журнале «Юность».

С 1964 года Владимир Костров — член Союза писателей СССР. Что примечательно: вопреки правилам был принят в творческий союз по верстке еще готовящейся к изданию книги. На тот момент он являлся автором нескольких перспективных изобретений, имевших немаловажную научную ценность. Но предпочел науке — поэзию! Однако, как известно, наука и поэзия не противоречат друг другу. Поэзия науки и наука поэзии — своего рода синтез искусств и явлений жизни. Ведь в основе всего лежит Образ — и не обязательно художественный: просто образ, метафора. Поэзия присутствует повсюду, в любом виде творчества и в любом деле. В мире все насквозь пронизано звуком и ритмом.

Стоит сказать, что Владимир Костров — автор более 30-ти поэтических сборников, мастер блестящего перевода, драматург. Вот далеко не полный перечень его книг: «Первый снег» (1963), «Избранная лирика» (1964), «Кострома — Россия» (1967), «Весны и осени» (1968), «Утро в Останкине» (1972), «Металл и нежность» (1974), «Я вас люблю» (1974), «Московские рассветы» (1977), «Товарищества светлый час» (1977), «Солнце во дворе» (1978), «Избранное» (1980), «Открылось взору...» (1984), «Свет насущный» (1984), «Стратостат» (1987), «Стихотворения и поэмы» (1989), «Песня, женщина и река» (2001), «Если любишь. Стихи, поэмы, переводы» (2006)...

Владимир Андреевич является лауреатом Государственной премии имени М. Горького и Правительства РФ в области культуры, Большой литературной премии России, неоднократным лауреатом телевизионного конкурса «Песня года», обладателем Государственной Медали им. А.С. Пушкина и золотой пушкинской медали XI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Поэт показал величие русского языка во всей его разносторонней сложности и красоте. Он был председателем Пушкинского комитета по проведению праздников поэзии. Работал заведующим отделом в журнале «Техника молодежи», в журнале «Смена», заместителем главного редактора в журнале «Новый мир», тираж которого тогда — в период расцвета — составлял 3 миллиона экземпляров.

Владимир Костров — поэт Божьей милостью. Сердечный стих России этого художника слова — воистину как дар Божий. Писатель Василий Воронов, отмечая

Поэт Владимир Костров

реализм его пронзительной лирики, убедительно подчеркивает: «Божий промысел открылся на Кострове. Такое случается очень редко, может быть, раз или два в столетие. Открылась душа, переполненная земными откровениями и уязвленная страданиями человечества. Все подмечено, все увидено, облюбовано и омыто слезами радости и печали. И обозначено Словом. Он оттуда, из стаи славной, от Пушкина и Некрасова... Поэт огромной духовной мощи, может быть, последний на нашем коротком веку». В нем одном — голос народа, зов самого поэта, наполненный болью, горечью и надеждой. Ему близко понятие народности: русский по судьбе — это и награда, и цель, и большая ответственность художника. Быть выразителем исторического духа народа — значит быть кристально честным. Тихая лирика, проникнутая исповедальностью русской судьбы, как известно, не терпит фальши.

Поэзия тем и прекрасна, что каждый раз рождается заново, представляя современникам своеобразный документ эпохи. Неповторима колоссальная плотность костровской строки. Плотность и плоть слова — поэтическое совершенство, которое, прежде всего, отличает предельная насыщенность образов и смыслов.

Мы — последние этого века,
Мы великой надеждой больны.
Мы — подснежники. Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.
Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли, как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.
И в конце прохрипим не проклятья —
О любви разговор поведем.
Мы последние века. Мы братья
По ладони, пробитой гвоздем.

Величественная трагичность и неизбывная надежда — творящие и борющиеся между собой силы. Нежное сквозь острое. Острое сквозь нежное. Противостояние, контрастное и двоякое — философская диалектика противоположностей. Уникальное человеческое единство, каким были согреты послевоенные годы, оставило в душе поэта неизгладимый след ушедшей эпохи и вместе с ней — след целого поколения:

Так обнимемся. Путь наш недолог.
На виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники. Мы из-под елок,
Мы — последняя нежность войны.

«Как тяжко дышит русское пространство...»

*О Россия! Где зло, как и, впрочем, добро, — безвозмездны,
Где основа основ — потрясение оных основ.
Где как данность — порыв, и слепое сияние бездны,
Где нас встретит Господь и обнимет, как близких сынов.*

Владимир Фролов

Во все времена важным условием творчества было знание жизни своего народа; по сути, без этого не может состояться ни один художник. «Не зря говорят: спасется Россия — спасется мир...» — свято верил в такое пророчество Владимир Костров. У него было исконно русское ощущение мира как Божьего творения. Естественное выражение фантазии поэта являло нам живые эпические образы народного мирозерцания:

Две березы над желтой нивой,
Три иконы на черной стене.
Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.
Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелено сверкал со скамьи,
Белой вьюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.
Отгорит золотая полова,
Дни растают в полудночной мгле.
Ничего слаще хлеба ржаного
Не едал я потом на земле.

Он и был сыном своей многотрадальной земли, неразрывной частицей ее «русского горького счастья». Подобная поэтическая олицетворенность сродни христианскому мирозерцанию, ищущему традиционные смыслы, насущные, как хлеб. Почему поэзия, искусство потеряли тайну? Но настоящий художник всегда и во всем находит таинственный смысл. Первые уроки нравственности маленькому Володе когда-то преподавала его бабушка, а дальше жизнь вела сама, подчас даря уже более суровые испытания. Родная деревня, немудреная философия «людей от земли», пожалуй, являлись самыми лучшими советчиками и учителями. Поэт дорожил кровной землей, знал российскую глубинку, хранил в себе сокровенную душевную чистоту. Проникновенный голос тишины, обращенный к родным истокам, звучит и в стихах «Возвращение»:

Как вступление к «Хаджи-Мурату»,
сторона моя репьем богата
(стойкий, черт, — попробуй, оторви!).
Да еще грачами, да ручьями,
круглыми, протяжными речами,
как ручьи, журчащими в крови...
<...>
вот она — стоит у огорода
маленькая седенькая мать.
Рядом папа крутит папиросу.
Век тебя согнул, как знак вопроса,
и уже не разогнуть спины.
Здравствуй, тетка, божий одуванчик,
это я — ваш белобрысый мальчик.
Слава богу, слезы солонны.

Вашими трудами, вашим хлебом
я живу между землей и небом.
Мамочка, ты узнаешь меня?

Я твой сын! Я овощ с этой грядки.
Видишь — плачу, значит, все в порядке:
если плачу, значит, это я.

Пронзительная исповедальность — сильная черта лирики Владимира Кострова. Дом, малая родина, мать — близкие, иконописно пересекающиеся в творчестве русских художников темы. Известный есениновед Юрий Прокушев писал: «...да, Россия стоит на деревне, на земле!» Образ этот в стихах Владимира Кострова приобрел глубокий метафорический смысл, восходящий к образу самой России. Поэзия Николая Рубцова, Евдокима Русакова, их крестьянская судьба органично отзываются и в его произведениях. Не угасает свет рубцовой «Горницы»: «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь». Концовка — как обжигающая молния. Сберегая любовь к своим изначальным корням, к единственной деревеньке, речке детства, быть может, маленькому городку, тем самым мы сберегаем любовь к Отчизне и даже больше — ко всему живому на земле. Мощный духовный заряд несет нам творчество Владимира Кострова. И поэзия эта не «деревенская», а просто — поэзия, которая, по мысли Вадима Кожина, «рождается из всей целостности жизни ее творца».

Иногда жизнь, смерть и бессмертие гениально вмещаются в одном стихотворении. Тогда поэзия может сказать гораздо ярче и убедительнее, нежели проза. Наглядный пример — красочное, метафоричное произведение Кострова:

Я выхожу из леса и... ни с места.
И страх и боль не бережат меня.
В черемуховом платье, как невеста,
Стоит деревня в жарком свете дня.
Так много света, радости и воли,
Так бьется сердца перепел рябой,
Овсяное передо мною поле
Над песенкою речки голубой. <...>
Не осуждайте бедного поэта,
Что он остановился на пути.
Жизнь прожита.
Горит Господне лето.
Осталось только поле перейти.

Какая лирическая напряженность и одновременно четкая завершенность поэтической формы! Совершенное полотно привычного мира и собственного пути. Художник тем и велик, что талантливее и острее иных чувствует непостижимую закономерность конечности и бесконечности жизни. Простота и глубина, реалистичность прошлого и настоящего. «Путник на краю поля» — в этом названии повести писателя Николая Коняева, посвященной творчеству поэта Николая Рубцова, пожалуй, и есть вся суть заключительных строк и всего стихотворения Владимира Кострова. Нет тяжести бытия — впереди вечность... Такое под силу лишь редкому мастеру пера, виртуозно сочетающему феномен философской парадоксальности с чем-то непреходящим. «Осталось только поле перейти» — эта афористично-метафоричная строка перекликается еще с другой, принадлежащей поэту Игорю Шкляревскому: «Не умереть боюсь — боюсь не быть». Произведения Кострова лишены какой-либо претензии на славу, на личную значительность. Автор чувствует, что каждый раз необходимо писать так, словно впервые взял перо и коснулся белого листа. И ты ясно понимаешь, что мера художественности есть

степень народности. С некоей легкой самоиронией он рассказывает о своих далеких предках:

Выходец из волости лесистой,
бражник, сочинитель, острослов,
в глубине истории российской
жил Ермил Иванович Костров.
В переводах был весьма исправен,
пил вино, работал не спеша.
О Кострове Пушкин и Державин
говорили: «Добрая душа». <...>
Буду жить с такой фамильей древней,
не употреблю ее во зло.
Классиков высокое доверье
на мою фамилию снизошло.

Вероятно, поэтому исключительно хороши его скромные деревенские пасторали. «Да, можно увезти парнишку из деревни, / Но вытащить нельзя деревни из него», — нечто древнее, посконное веет от такого прямого, простосердечного афоризма поэта. Как и художник кисти, он подбирает прозрачные акварельные краски, вкладывая в картины природы собственные мысли, тревогу, боль за утраченную и поруганную крестьянскую жизнь, о чем когда-то сокрушались наши писатели Можаяев, Распутин, Белов... Что и сегодня крайне актуально. Пейзажная лирика Кострова возрождает забытые моменты милого деревенского бытования: «Проложи по траве чуть дымящийся след / и хрустящий сеник положи в изголодь... / Этот близкой луны ненавязчивый свет / добр и желт, как топленое масло коровье». Нашему взору открываются русские пейзажи — широта и простор вызревшей мысли утонченного мастера художественного пера:

Хорошо на душе — я приехал из города,
Нет железобетонной нуды болевой.
Здесь легко остужать перегретую голову,
Умываясь прохладой росы полевой.
Как веснушки, к лицу мошкара примеряется,
С веток ноты клюет непременный скворец.
На окошке в горшке огонек померанцевый,
В поле с ветром голубится лен-долгунец. <...>
Нет. Душа не забыла слова пасторальные.
И с тесовых мостков недалекой реки
И рубахи, и смуты мои простирали мне
Хвойным мылом две милые сердцу руки.

Подкупает и непосредственность выражения поэтического чувства, и умиротворенное настроение «Пасторали», первозданной природы, ее безмятежной прелести. Спокойная камерная тональность. Вместе с тем — полнота самоотдачи, когда от избытка чувства и рождается истинные шедевры. Ведь это не просто стихи, это сама жизнь, ставшая поэзией. Произведения Кострова, как и у Рубцова, словно вырастают из самой природы, из дыхания деревьев и трав, движения ветра и воды, воздуха и неба, земли и космоса...

Ликующей листвы крутая распродажа,
Медлительный исход реки, текущей всклень.
Здесь я всего лишь часть знакомого пейзажа,
Случайный огонек в одной из деревень. <...>
Я не один — со мной
И Пушкин, и Есенин.
Последняя слеза еще не утекла.
Приди ко мне и ты, мой нежный друг осенний,
И стань еще одним источником тепла.

Во всем сквозит какая-то эпохальная тяга к пространству. Мир глубоких лирических раздумий о судьбах эпохи, о судьбах деревни в поэзии Владимира Кострова плавно переходит в протяжную русскую песнь равнин и полей, вливается в песнь холодных ветров и пустынных пространств, бескрайних дорог и печальных деревень. Магическая песнь, притягательная своей нарастающей мощью и в то же время близостью индивидуальной манеры автора с творческим методом русских художников-передвижников — таких, как Репин, Левитан, Куинджи, Перов, Крамской, Поленов, Саврасов... Автор поражает в ней насыщенностью красок, оттенков, игрой света и тени, свободным постижением закона равновесия и взаимной гармонии, соединением искусства поэзии, музыки и живописи.

Русское пространство — сквозной и сквозящий мотив лирики поэта, который впитал в себя все тревожное и грустное, светлое и радостное русской земли. Будучи ровесником нашего века, Владимир Костров создает многосмысловый образ России. «Удушный дым, как знак непостоянства, / Несовершенства мира твоего. / Как тяжело дышит русское пространство — / Огромное живое существо», — настолько ощущать биенье времени способен лишь человек, обладающий провидческим взглядом, человек, мыслящий философскими категориями, диалектически точно соединяющий мир и природу воедино. «Великое восстание природы / На смену революциям пришло», — мы тесно взаимосвязаны друг с другом и с мирозданием. Во многих авторских строках видно, что в основе их лежит вечное тяготение человека к бесконечному, к народной стихии как доминанте его художественного мира, его восприятия земного и небесного. Но это вовсе не бесплодное созерцание дальних полей, не только неистовая жажда свободы. Это — состояние русского человека, особое предназначение судьбы, характера, русской души, о чем выразительно и живо говорил в книге «Судьба России» философ Николай Бердяев.

Среднерусская равнина — необъяснимая сущность, подчас мистическая, она сильнее личной судьбы и никак немислима без судьбы России:

Когда застынут поезда,
свист оборвется соловьиный,
блеснет последний раз звезда
над среднерусскою равниной <...>
Товарищ мой, мой друг и брат,
ты помнишь те часы ночные,
когда звучали, как набат,
часы обычные, ручные.
Особой ясности полны,
друг другу души поверяли
и от судьбы родной страны
своей судьбы не отделяли.

Соратничество, товарищество, славянское братство — забытые смыслы, которым поэт дает второе дыхание: «И этим чувством жизнь полна, / пред общей правдой неповинна. / Как среднерусская равнина / одной самой себе равна». Он воскращает волю, зовет к нравственному возрождению. Музыка русского пространства — вселенская полифония жизни! Лишь вслушайтесь:

Воробей, стучащий в крышу,
дробный дождь в пустом корыте, —
говорите, я вас слышу,
я вас слышу, говорите. <...>
Ничего не надо, кроме
общей радости и боли,
доброй песни в отчем доме,
свиста вьюги в чистом поле.

Подвластные чувственному художнику слова и образ, и звук торжествуют! Лес, гул небесных мелодий, шелест листвы, шепот трав, цветов, щебетанье птичьих голосов... Когда слова, великие и простые, складываются в стихи. Любовь ко всему родному — многозвучная песня, какая по своей емкости и вовсе, оказывается, не тихая. Слово упало в душу! А еще неразгаданная тайна русского пространства, целая философия русского мира, завораживающая мистикой особого места. «Что может знать чужак / о полной русской воле? / Судить или рядить / об этом не дано», — прав автор, не понять ему печали русских равнин и сумрачных далей России. Однако это «безлюдное пространство» может быть последним и единственным спасением человека, когда все потеряно, но когда лес, поле, дождь, стучащая ветвь в одинокое окно словно цепляются за твою израненную душу и заставляют жить... «Пора идти гулять: / сегодня ветер в поле / и дождь стучит в окно. / Безлюдно и темно. / Тут сам не разберешь, / как можно жить иначе. / Зачем тебе любовь / пространства дорога?» — в нашем воображении возникает нечто величественное, невыразимое, вольное и прекрасное — то, чему никогда не будет конца, свободное явление природной стихии как понимание замысла Творца. «Здесь просто и легко / остаться неизвестным, / любить сквозящий свет / и вяжущую тьму. / И разум не смущать / вопросом неуместным: / зачем и почему? / Затем и потому!» — вероятно, так же странствующие святые, калики, богомольцы, некогда скитаясь на просторах Руси, не задавали подобных вопросов, как будто заранее зная ответы, отчетливо видя приближающиеся знаки злых и добрых сил. Сколько нищих и сирых людей из века в век бродило по Руси!

Поэт сохраняет этот реалистически правдивый колорит и пополняет его автобиографическим шедевром: «В снежных шубах лесное боярство. / Горностайна поземка полей. / Может, главное наше богатство — / Вольный ветер Отчизны моей». Явственно предстают живописные картины Матери-Родины: Заветлужье, Колокольный Валдай, Кострома... Простирается Великая равнина, где столько ветра в поле, столько неба, луны, звезд, снега, света... И столько высоких раздумий поэта о жизни и о России...

«Великое чудо единой народной судьбы»

*Горькую память храню как наследство
и у судьбы словно школьник учусь.
Бедная юность. Военное детство.
Время простых человеческих чувств.*

Владимир Костров

Хотелось бы еще раз напомнить, что Владимир Костров пришел в поэзию вместе с поколением фронтовиков, поколением поэтов военной эпохи: Михаилом Дудиным, Юлией Друниной, Константином Симоновым, Ярославом Смеляковым, Алексеем Сурковым, Александром Твардовским, Станиславом Куняевым, Егором Исаевым, Георгием Суворовым. В своих обжигающих произведениях они смогли воплотить все чаяния о человеке совестливом, милосердном, человеке ищущем, мужественном, человеке гуманном. Писатели были подлинными свидетелями грозной правды. Лирическая летопись той героической войны начала создаваться в июне 1941-го, продолжается она и доньше. Беспредельная жертвенность русского народа не канула в Лету: современные авторы России явили миру жертвенное служение Отечеству. Трагический и великий 41-й стал точкой отсчета их личной ответственности за память отцов. В этом стоянии отцов за правду и заключалось славянское ратоборство, национальные традиции которого продолжают наши лучшие поэты.

Но история не прощает предательства. «Исторической памятью совесть очистит...» — есть такие известные строки у Владимира Кострова. Его стихотворение о сражении на Курской дуге стало, пожалуй, одним из лучших литературных произведений об этом столь невероятном противостоянии. Вот две строфы из него: «Дышит ветер эпохи — / Разбойник и мастер. / Непреложное время. / Огонь и беда. / Как магнитом опилки, / Магнитною массой / Все железо Европы / Притянуло сюда». Добившись победы под Курском, Красная армия окончательно перехватила стратегическую инициативу. А сколько героев битва породила! Мы научились воевать, только поверив в победу под Сталинградом и устояв в танковом сражении на Курской дуге.

Достоверным отражением войны, несомненно человеческого духа, внутренней силой защитников Отечества дороги нам многие стихи Владимира Кострова. И чем тяжелее, чем безжалостнее была правда отцов, тем в итоге она была созидательнее. Но время неумолимо. Представители поколения «детей войны» запомнили войну иначе, чем их непосредственные предшественники. Трагические стороны народного бытия мы видим в строках поэта: «И поворот. И сердце сжалось. / Дышу с трудом. / Стоит, не принимая жалости, / мой отчий дом». Какое бесстрашие искренних интонаций! Память, словно раненая птица, стучится в сердце лирического героя, возвращающегося в отчий дом, в родную обитель:

Навеки врезанные в память — тому назад —
у верей дорожный камень и палисад,
четыре стертые ступени и три окна...
О, как в них пели и скорбели,
когда пришла война.
Он дышит по ночам натужно,
как дед больной,
весь от торца до черной вьюшки
любимый мной.

Дом в представлении предков — что-то живое, теплое, пространство покоя и защиты. Миф всегда проистекает из деревенского фольклора. Мифология и поэзия, пронизанные образностью и зримостью, едины и неразрывны. Говоря о национальной традиции, Николай Клюев писал: «Изба — святилище Земли». Этот вечный архетип кажется в стихах Владимира Кострова не просто выразительным штрихом, а прежде всего — совершенно точным феноменом, созданным как бы для контраста с прошлой и грядущей катастрофой. Он умел создавать поэзию из совсем бытовых деталей, будто владел особым языком, имеющим примеси небесной глины, из которой Господь творил живую материю. Изба сохраняет элементы далекого космоса. Образ космического дома всегда присутствует в сознании народа: окно — космос, ступени — выход в иной мир, порог — оберег от злых сил...

И тут, одетый в старый китель, давно вдовец,
страны заступник и строитель, живет отец.
Живут, с эпохой не ссорясь, святым трудом,
мои печаль, любовь и совесть, отец и дом.
Четыре странные години несли беду,
четыре красные рябины горят в саду.
И не сдались, перетерпели тебя, война,
четыре стертые ступени и три окна.

Суровые дни войны и мира вместил в себя этот русский Дом. Сила и ценность человека измеряется мерой перенесенных страданий и в то же время — мерой победы духа, победы жизни над смертью. Реквием по нашим убитым солдатам — это и прожигающее насквозь острой болью стихотворение «Эхо войны», посвященное памяти поэта-фронтовика Николая Старшинова:

Встану рано и пойду в поле.
Вот и солнышко встает — Божье око.
Только пусто без тебя, Коля.
Одиноко без тебя, одиноко. <...>
Посмотрю на небеса — воля,
Глаз на землю опущу — доля,
Поднимаю у мостков колья
И живу я без тебя, Коля.

В стране полным ходом шла перестройка, наступило смутное время потери главных ориентиров, и вполне закономерно, что автор обращается к своему товарищу, испытывая чувство вины, и, возможно, даже беспомощности:

Горько, Коля, на Руси, очень горько.
Все, что сеяли отцы — все смололи.
Мне бы рядышком с тобой горку —
Все тебе бы рассказал, Коля.

Тут же рядом идут и стихи «Памяти Николая Старшинова» — поэта-шахтера, который, как и Владимир Костров, был родом из военной нелегкой эпохи. Не отпускает скорбная память о трудовом человеке, и его не случайно автор приравнивает к «сыну и брату пехоты русской серой, / когда земля, как ад, дышала серой...»

Как внук голодных, нищих и забытых
(у нас сегодня кое-кем забытых)
ты, верно, не любил искусство сытых,
живя в воспоминаниях своих.
И был биологически различным
с тем шустрым стилем полузаграничным
твоей простоватый, но весомый стих.
<...>
Пред вечностью не суетился ты.
Пусть имена иные смоет Лета,
но вижу я: народ несет цветы
к могиле Неизвестного поэта.

Да, по своей мощи и правде, по своему трудовому подвигу Николай Старшинов ничем не уступает героическому подвигу Неизвестного солдата! Но разве до сих пор должны быть неизвестные и без вести пропавшие герои? Вопреки всему и воин-победитель, и поэт-пророк в своем Отечестве есть. Но вероятно, и сегодня мы не способны увидеть пророка в своем Отечестве?

Образы слова, искусства порой приобретают и в поэзии Владимира Кострова, и в национальном сознании народа общее и цельное представление о беспримерном подвиге. Мышление образами классики оказывается крайне богатым и познавательно полезным. К тому же оно ведет к неожиданным умозаключениям, что и прочитывается в стихотворении «На открытие скульптуры “Теркин и Твардовский” в Смоленске». Автор-герой и центральный персонаж его литературного произведения зеркально отражаются не только в стихах поэта, но и в искусстве самого скульптора. Очевидно, что читатель соприкасается с самобытным соединением разных и самостоятельных видов творчества:

Вновь над кручею днепровской
Из родной земли сырой
Встали Теркин и Твардовский...
Где тут автор, где герой?
Рядом сели, как когда-то,
Чарку выпить не спеша,
Злой години два солдата,
В каждом русской душа.

Да и сам Костров — участник этого задуманного разговора — человек на Руси не лишний, слышащий и вдыхающий «полной грудью вечный зов земли родной». Героическое в истории, историческую Победу света над тьмой фашизма необходимо видеть в соотношении национального и общечеловеческого. Проблема совести — одна из самых больших, не вызывающих нынче в обществе ни отклика, ни интереса. Однако война была жестокой и грубой школой. Главные ученики истории — это люди и Время. Не забывать Время — это значит не забывать людей. Владимир Костров ничего не забывает, он пишет во многом противоречивые, но правильные, откровенные стихи, подчас звучащие словно запоздалое раскаяние, прощение... И оттого еще более ценные по силе какой-то невыразимой недосказанности...

Гертруда Федоровна, немка,
В военном детском далеке,
Ты говорила на немецком,
На ненавистном языке.
А из села отцы и братья
Пошли в жестокие бои,
А по телам отцов и братьев
Шли соплеменники твои. <...>
Ты им недаром говорила
Про справедливость на земле,
Гертруда Федоровна, немка,
В ветлужском маленьком селе.
И ты не зря не уходила
В войну со своего поста.
Гертруда Федоровна, правда,
Как сложен мир, как жизнь проста!

Последняя строка — гениальная. Путь от осуждения и сострадания, путь к дуновению любви занял годы. Но поэту удалось честно выяснить для себя правду и боль войны. Это только кажется, как далеко ушла война. Фантазия Кострова встает вровень с реальностью в необычном произведении «Сумерки». Подобно вспышке молнии в сумерках, долгих и тихих, в молчании вдвоем появляется давно забытое ощущение неповторимости жизни:

Вы — сумерки. Вас хочется погладить,
как в детстве, с вами хочется поладить
и псом лохматым в комнату пустить,
и до утра оставить в ней гостить.

Вот тогда из глубин ушедших лет вдруг выплывают чьи-то лица, воскресают былые мечты и тени, вдруг начинает говорить сама память:

Любимая, ты помнишь годы школьные,
те редкие конверты треугольные.
Ты помнишь сводки горько-аккуратные,
ты помнишь хлеба ломтики квадратные...
Ты помнишь мать, по вечерам стирающую,
и печку, угольками в нас стреляющую.
Нам дня того не позабыть, наверное,
когда пришла домой пехота серая,
за Родину довольно порадевшая,
на вражеских высотах поредевшая.
Худая, поседевшая, окопная...

В тех сумерках не было безнадежности, ведь «сколько было нежности накоплено. / И в сумерках для нас светили ласково / эмалевые звездочки солдатские. / Мы дети тех солдат. Мы ветви дерева. / Нам память поколения доверена. / Мы

дети русской синевы и снежности, / носители народной горькой нежности». И наша жизнь, которая кажется и реальной, и прозрачной одновременно, обретает уже иной смысл: «Закрывают шторы. В комнате смеркается. / Прошедшее с будущим смыкается».

Война, послевоенная эпоха роднят многих и многих, особенно принадлежащих к тому выбитому этой мировой трагедией поколению. Поэзия того поколения — поэзия обожженной почвы — это «последняя нежность войны». Но история человеческих судеб так просто не заканчивается:

И рядом с нами шли не по обочине
родные люди русские, рабочие.
Простые люди, грешные и будничные,
из прошлого в таинственное будущее.

«И опять тревожно за Россию...»

*Приходит истинное зреньё
К поэту с четырех сторон.
И он свое стихотвореньё
Прокаливает над костром
Дымит душа стихотворенья,
Летит окалина с нее.
Так стрелам ладят оперенья,
Так отливается ружье. <...>
Он пишет, будто бы играет,
К столу прижатый, к верстаку.
Слова, как порох, собирает
Прессуя в точную строку.
В ствол подсознанья засылает
Строфы патрон... Попробуй тронь,
Спусти курок — и запыляет
Живой метафоры огонь!*

Владимир Скиф,
«Владимиру Кострову»

На протяжении столетий волновал художников идеал жизненной правды, именно в нем они искали долгожданный смысл творчества. Однако окружающий мир меняется с умопомрачительной скоростью. Мы остро чувствуем противоречивую сложность времени, которое буквально поглотило новейшую Россию. Горькая, обличающая интонация, переходящая в ноту протеста, звучит в произведениях Владимира Кострова, относящихся к периоду перестройки — а если проще, развалу страны. Подобная этой нота трагического переживания, непростительная для России времени конца XX века, появляется довольно часто в творчестве современных писателей.

Предошущение нашей общей гибели, общей непоправимой беды явственно слышится в стихах Кострова:

На бетонной площади московской
Отлитой, возможно, на века,
Бронзовый Владимир Маяковский
На буржуев смотрит свысока. <...>
И опять тревожно за Россию —
Новый класс пришел к ее рулю.
Но признаюсь вам, буржуазию
Я пока не очень-то люблю. <...>

Выборы, парламент и свобода,
Как у всех. Но горько оттого,
Что все меньше на земле народа,
Милого народа моего.

Столкновение нравственных принципов, морали, классов — собственно, это и столкновение эстетических точек зрения на искусство и жизнь. Национальная катастрофа была неизбежна, но последняя ли она? Сегодня правит бал обыватель, который после национальных потрясений всегда остается в выигрыше. Достаточно тягостное настроение, пропитанное воздухом той неспокойной эпохи, вызывает хорошо известное стихотворение поэта «Московский дворик»: «Сварен суп... пора делить / приварок... / ...Весь заросший, черный, словно морж, / На скамейке возле иномарок, / Холодея, помирает бомж». Аллегорический контраст, убийственный своим голым натурализмом, метафоризм и смысл сделались здесь заключительным аккордом в жизни... Большой город — центральный топос пространственной картины мира — оборачивается к нам настоящим дьявольским нутром. Бетонный холод и человеческое отчуждение — приметы драматизации поэзии, наполненные открытой гражданской тревогой автора. Образ-метафора нынешнего времени, где среди привычного безразличия слишком много нечеловеческого, — это бомж.

Бомж хрипит от наркоты иль спьяну —
Холодна последняя кровать.
Неужель я оборотнем стану,
Чтобы слабых гнать, и глотки рвать,
И считать, что только в силе право,
Думать: что хочу, то ворочу?

В поэзии более важны верно поставленные вопросы, чем конкретные ответы. Более того: наиболее важно — чувство авторской сопричастности ко всему происходящему, проявление сострадания и любви к обездоленным. Поэт с трепетным и оскорбленным сердцем настойчиво утверждает доброту и справедливость, отвергая цинизм и ложь:

Господа! Не надо строить храмы
И держать плакучую свечу.
Сварен суп. Пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек.

Тяжкий стыд испытывает он, но, углубляясь в истоки нового явления жизни, понимаешь, что сам народ, как ни печально, напрочь утратил христианский стыд. Стоит отметить, что драматургия поэтических сюжетов Владимира Кострова охватывает самые сокровенные, самые потаенные уголки человеческой души. Пожалуй, высшее качество поэзии — философские противоречия, однажды обретающие и собственную гармонию. Неожиданным выглядит его обращение к сыну, своего рода поэтическое завещание:

Не обязательно счастливым
Пушкой мой сын в наш мир придет,
Но совестливым, молчаливым,
Которым в жизни не везет. <...>
Пусть станет совесть в изголовье,
Пусть встретит смерть в труде, в бою,
И пошлой женщины любовью
Не накажи ты плоть мою.
Среди глумливых и спесивых,
В чинах от пят и до бровей,
Как часто в людях несчастливых
Есть счастье Родины моей.

Какое проникновение в человеческую судьбу! Поэзия как воплощение жизни человека и народа во всей ее глубинной сути, во всей ее природной основе. Владимир Костров не отделяет поэзию от жизни, напротив, ищет прекрасное в вещах повседневных. Человеку необходимо, хотя и сложно, устоять в этом беспокойном веке, в этом свистящем безвременье. Авторская лирическая «Баллада об Андреевском флаге» — слезы на глазах и ком в горле. Щемящая душу нежностью мелодия моря и волн...

За дымкой голубой
Уже не отыскать нас,
Спасительный уже
Душе не нужен круг:
Исходит из страны
Печальная эскадра,
Как стая журавлей,
Летящая на юг.

Хрупкий и стальной мир устоит доблестью и честью русского флага. Вот они — сияющие слова, дарующие надежду на то, что былое величие нас не покинет:

Пускай вернутся к нам
И вера, и отвага
Любым ветрам в ответ,
Любым громам назло,
Чтоб больше не пришлось
Андреевского флага
В бизертах целовать
Подбитое крыло.

Государственность, Народность, Православие — три столпа, на которых держалось и держится Отечество. Мощный образ России, написанный молитвенно-поэтическим словом («Защити, приснодева Мария! / Укажи мне дорогу, звезда! / Я распятое имя «Россия» / Не любил еще так никогда»), воистину, подобен восхождению на Голгофу. Оказывается, и один в поле воин: «Оставляют последние силы, / Ничего не видать впереди, / Но распятое имя «Россия», / Как набат, отдается в груди». Поэт побеждает праведным Словом. Бороться «не одним мечом» призывал мир и великий провидец душ человеческих Достоевский.

«Укрепись православная вера...»

Творчество и религия составляют вместе вечную тайну, но и Бог есть самая величественная тайна, олицетворяющая веру. Человек жив верой, дающей ему неизбытную надежду и побеждающей дисгармонию мира. Но храм должен быть в душе, чтобы жить по-христиански, по-человечески. Как ни парадоксально, реальность в закрытом тоталитарном государстве была сердечнее, отзывчивее, нежели сегодняшняя — при отмене всяческого религиозного запрета, при активном строительстве и восстановлении церкви, которую нельзя назвать доброй и гуманной. Литература в советском обществе подменяла собой церковь. Она как бы стремилась заполнить нравственный и религиозный вакуум. Не секрет, что слово писателя стало словом проповедника. И вдруг наша проза и поэзия перестают быть религией, а слово писателя — словом духовного пастыря. Современный мир оказывается ниже слова или вообще вне его.

Кому же отныне верит русский человек? Через образы добра и зла, правды и неслыханной лжи поэт Владимир Костров неустанно утверждал истину:

Укрепись, православная вера,
И душевную смуту рассей.
Ведь должна быть какая-то мера
Человеческих дел и страстей.
Ведь должна же подняться преграда
В исстрадавшейся милой стране
И копьём поражающий гада
Появиться Стратиг на коне.

«Огромное это пространство», воспетое им, сегодня как никогда нуждается в покаянии, в очищающем Суде Божьем. Однако вначале надо принять «палашею пламя Возмездья». Лишь тогда нам, своим Божиим детям, Бог с любовью раскроет тайны земного мира и Вселенной... А возможно, и свой лик! «В слиянье дней — живая простота. / Как много в ней движенья неземного!.. / Мне верится, что даже у Христа / Есть время для Владимира Кострова», — а ведь он так и жил, будто по написанному слову его друга, поэта Александра Орлова. Господь все еще милосерден, пока нечто, во что верует Костров, отпускает нам время для духовного спасения: «Какие мощные ветра, / Потопы и землетрясения! / Какая лютая жара! / Какие грозные знаменья! / Как будто каждый день и час, / Все исчерпав иные средства, / Всесущный призывает нас / Одуматься и оглядеться».

Из века в век продолжается неизвестный и бесконечный эксперимент над человеком... В стихотворении «В небесах загорались Стожары...» автор говорит о том, что человек — Божье создание, что он должен вернуться к своей природе, чтобы сохранить свое единство с миром, с космосом, сохранить самого себя. «Под мистерией звездного свода / Завершается яростный век. / Для чего, о Господь и Природа, / Был Вам нужен и я, человек?» — увы, нет ответа. Вера не только призывает к истине, но и облегчает ее поиск. «Ищите во всем великого смысла», — упорно твердили сострадательные и простодушные оптинские старцы, не раз изумлявшие мир своими предсказаниями.

Образы и тропы поэзии так же неисповедимы, как и пути Господни. Если эксперимент Всевышнего — тайна, то эксперимент государства и власти — насилие и уничтожение человека как такового. Теплохладность, отрешенность от всего, безразличие, боязнь любви к ближнему — настоящий результат подобных опытов; вот что страшно! Поэт тем и велик, тем и мудр сверх меры, «отрицая отрицанье», он твердо знает: Человек выше любых экспериментов:

Любой всемирный пилигрим
Освоил право полной мерой
Гнушаться обликом моим
И над моей глумиться верой.
«Всеобщей смази» торжество —
Никто за слово не в ответе.
В какой еще земле на свете
Так унижают большинство.

Отстоять исконную праотеческую веру и человека — первостепенная гражданская задача художника. Ведь борьба за человека изо дня в день превращается в борьбу за божественное, сакральное Слово. Мужественная правда пережитого слышится в каждой строчке Владимира Кострова, который хотел прежде всего сберечь национальную особенность русского человека, сберечь во всей чистоте его символ веры — Православие. Недаром поэт уверял своих читателей в том, что «Бог русской поэзии — больше Христос, чем Аполлон». Ибо конечный путь человечества — Бог.

Удивительное дело — эта наша жизнь. Сколько времени проходит, но родовая память жива, забываются события, но остаются чувства. Они пульсируют словно жилка на виске — как в стихотворении Владимира Кострова «Горькую память храню как наследство...»:

Мне говорят, что творец неподсуден.
Классикой русской живу и лечусь.
Не был еще эстетический студень
старше простых человеческих чувств.
Уши забила словесная вата.
Велеречивость тошней немоты.
Суцая правда не витиевата —
нет правоты, если нет прямоты.
Что ты юлишь и киваешь на время?
Глаз, как стеклянный, искусственно пуст.
Нету искусства, есть вечное бремя,
бремя простых человеческих чувств.

Жизнь побеждает искусство. И это главное. Это проекция на чувства. Тут и выстраданное слово, и где-то парящая глубина мысли, зоркость и прозорливость, и плоть духа — соединяясь вместе, они сотворяют подлинное искусство жизни. Заданность мира, нравственное и эстетическое согласие, но не самооценная эстетическая данность.

Автор-герой поражает внутренней силой жизни, в которой пересекаются и отрицание, и согласие. Какая-то особая точность сквозь ничтожную суету помогает услышать звучащий глагол, и жизнь приобретает неповторимую ясность.

Впрочем, правда и иллюзия обманчивы. Их каждый познает в себе сам. Владимир Костров — мягкий и лиричный художник, совсем ненавязчиво открывающий нам тихую радость мира. Тонкая, пронзительная, негромкая лирика — волшебная простота:

Когда луна в своей четвертой фазе
Монгольской девой припадет к окну,
Я от мостков на рыболовной базе
Двухвесельную лодку оттолкну.
И золото воды, стекая с весел,
Там за кормой оставит буруны,
И божий мир, не знающий ремесел,
Откроет все четыре стороны.

Задумчивая выразительность стиха, отражающаяся в этих глядах воды... Произведение посвящено Александру Орлову, поэту-историку, влюбленному в древние тайны Руси. Невольно вспоминается и Игорь Шкляревский, его книга «Золотая блесна», где так же все было просто и сложно. Право же, невероятно трудно писать о вещах, казалось бы, совершенно понятных, обыкновенных. У этих художников, несомненно, своя природа поэзии, неведомая всем остальным. Они прикоснулись к неизъяснимой тайне, к иной форме бытия слова — не в условности, а в истинности выражения. «Все мы — сироты Вечности...» — писал Шкляревский. Быть может, поэт прав, и неразгаданная сердцевина жизни и творчества где-то там, в космических категориях непознанного...

Между тем не бывает художника без иронии и самоиронии, без этой легкой насмешки над собой. На мой взгляд, поэт Владимир Костров именно таков. Вероятно, оттого так самобытно и притягательно движение его мысли, его возвышенной и в то же время приземленной души. Опять-таки столь свободно и непринужденно написать, согласитесь, дано не каждому: «Жизнь — как недопитая бутыл-

ка, / Разольем, и ты меня уволь. / С кончиков волос и до затылка / В голове стоит тупая боль». А это уже не что иное, как русский кураж. Но здесь, пожалуй, больше сарказма, причем смеха своеобразного, горького. Мы видим своего рода иронично-драматический стих, пронзающий обнаженностью признания. Суровый факт — русская жизнь. В поэтическом ощущении и отражении прожитого художником времени всегда наиболее важны стихи, символизирующие эпоху:

Тост последний будет за искусство,
За вторую русскую болезнь.
По законам боевой науки,
Чтобы не болела голова,
Выпьем, друг, за буквы, за звуки,
Запяты, точки и слова.
Все слова, без ханжеских изъятий,
И за смысл, стоящий у руля... <...>
За почти утраченное счастье
Сочинять на русском языке.

Большая мудрость поэта кроется в проявлении бережной и ревностной любви к родному языку, гибкость и сила которого в своей необъятности могут многое в нас преобразить. Опыт Владимира Кострова основан на прежней жизни и подкреплена его внутренними талантами. Заключительная цитата полностью оголяет смысловой пласт, присутствующий в стихотворении в целом. «С песней от села и до села / Мы уходим. Тяжело похмелье. / Жизнь была пьяна и тяжела», — афоризм этот вне времени. Радость недолгой встречи с этим миром несет в себе и оттенок горечи, но главное — в том, что настоящие чувства способны жечь нас даже спустя десятилетия. Нет, поэт отнюдь неоднозначен: к примеру, в произведении «Не гасите свет» куда-то вдруг подевалась тихая ясность, на смену ей пришла насыщенная метафоричность, иносказательность, и словно тяжелые мазки маслом наносит на холст бытия «русская смертельная пурга».

Не гасите свет. Довольно мрака.
Я приду и вам в глаза взгляну.
А в глазах голодная собака
Воет на холодную луну.
Город спит. Все мертвенно-прекрасно.
Пропороти брюхо кораблю.
Под луною волчьей слишком ясно
Понимаю я, что вас люблю.

Метафора будто нанизывает на стальной стержень колоритные образы и вращает вокруг себя этот безумный мир. И «пусть взорвутся нервы, как цистерны», поэт умоляет лишь об одном: «...не гасите свет». Тревожная, напряженная переключка с Павлом Васильевым, Борисом Корниловым, Владимиром Высоцким... Всепрощающая мудрость, философская глубина, отчаянная невозможность примирения с окружающей действительностью и в то же время — желание приятия любви. Как итог — некая беззащитная простота. Да, мир очень разный, светлый и мрачный, жестокий и добрый, во многом противоречивый, но только своим теплым чувством, своим душевным словом мы можем изменять его к лучшему.

«Обещаю любить и прощать»

Любовь издавна составляла предмет раздумий, неисчерпаемый источник вдохновения и творчества сотен поколений писателей, художников, музыкантов. Отношения мужчины и женщины на протяжении веков являлись средоточием бесконечно меняющихся сюжетов, всевозможных стилей, жанров литературы и ис-

куства. Любовные коллизии различного рода, неповторимые судьбы влюбленных оживают в письменном слове и красках, в кино и на театральной сцене, в мраморе и звуках. Лирические произведения о любви — самое сложное, что есть в поэзии.

Вадим Кожинов отмечал обязательную образность слов в поэтическом тексте. В этом плане лирика Владимира Кострова изобилует неожиданно возникающими образами и смыслами. «Полон взгляд тихой боли и страха, / Что тебе я могу обещать? / На пространстве всеобщего краха / Обещаю любить и прощать», — разве это не христианские истины, о которых пишет поэт и которые провозглашает Библия? Любить и прощать, любить и снова прощать... Иного никому не дано. Любовь, по откровению Куприна, есть «высочайший и самый редкий дар неведомого бога». Силой любви, способностью любить измеряется степень нашей человечности, духовная суть личности, внутренняя красота или, напротив, духовная пустота. Впрочем, иногда бывает не до романтики. Но на то и художник, чтобы даже неминуемая потеря превращалась в оживленную пустоту. Очищающая, трезвая грусть сквозит в поразительном стихотворении Кострова:

Поток ушедших лет
Мы не переиначим.
Мы можем только что
Глядеть ему во след.
Над прошлым, дорогим
Давай с тобой поплачем.
А будущее где?
А будущего нет.
Так близко слышен зов
Свободного пространства,
Там только окоем,
Там вечны тьма и свет.

Острая лиричность прощания с чем-то невозвратным, где нет ожесточения, безысходности, зато во всем сквозит скрытая нежность. На последнем своем рубеже человеку не избежать одиночества. Разлад души, и примирение, и понимание того, что существуют на свете вещи, которые больше обычного представления о любви. «В твоих глазах вопрос: / Меня ты не оставишь? / В моих глазах ответ: / Не покидай меня», — вероятно, и любовь принадлежит чему-то до конца нераскрытому, вечному... К тому же автор гениально угадывает внутреннюю драматургию чувств. Любовные истории притягательны тем, что все они сугубо индивидуальны, что воспринимаются как живая художественная летопись страстей, радостей и мук, а еще они поражают тысячами преград, встречающихся на пути любящих, тяжестью их душевных страданий. Но есть и другая любовь, которая несет что-то разрушительное, запретное любовное приключение, тайные дозволенные радости:

Луна протягивает руки,
былинки в поле шевеля.
А на меня со всей округи
смурные лают кобеля.
Рыдает высь — глухая птица...
Не муж законный, не жених,
спешу последний раз напиться
из окаянных глаз твоих.

Мистика и приворотная магия — или нечто языческое, идущее прямо из глубины Средневековья. Не зря подмечено: чем чище, чем выше, чем самоотверженнее страсть, тем она губительнее и несчастнее. Видимо, важна не направленность

страсти, а ее грандиозность, ее мощь. Лирический герой потерял власть над собой, потерял голову, стал одержим мучительным, неодолимым влечением:

Наперекор стыду и страху
я у судьбы любовь краду.
В твои колени, как на плаху,
шальную голову кладу.
Как дождь, веселой брагой брызжет
лихая песня соловья.
И ведьмой в древнем чернокнижье
судьба записана моя.

Вряд ли подобная любовь-страсть способна принести человеку желанное счастье и умиротворение. Хотя существует и чувство иное, похожее на сон, ведь жизнь, как сказал когда-то поэт, — тоже сон, одно бесконечно длящееся во времени и пространстве воспоминание... Владимир Костров открыл в себе и сохранил великое человеческое счастье — любовь, которая не зависит ни от прошедших лет, ни от времени. Потому что она — внутри его сердца, чистота которого сродни рубцовской — прекрасной и вечно живой:

Когда померкнет в небесах,
Стихают стрелки на часах,
Я засыпаю. И во сне
Ты возвращаешься ко мне. <...>
И комната моя светла,
Как от парного молока,
И как астральные тела
Летят по небу облака.
И этот шорох, этот свет
Смиряет горечь долгих лет,
И ветер ночной в печной трубе
Поет негромко о тебе.

«Широкая русская речь»

*Запах зеленой осоки,
Запах озерной воды,
Месяц печально высокий,
Не долетая звезды...
Славное в сердце смирение
С тем, что пришло и уйдет,
Светлое стихотворение
Бог бессловесно прочтет.*

Владимир Фролов

Более пятидесяти лет звучал голос русского поэта Владимира Кострова — признанного крупного художника, оказавшего серьезное влияние на современную литературу России. Его прозорливое, выверенное, спокойное, без накала излишних страстей и эмоций слово было и будет бесценным для нашей поэзии. «Сейчас литературного процесса почти нет», — на заре перестройки сетовал Владимир Андреевич. Но не теряя веры в творчество, мудро замечал: «Литература — это машина времени. Литература живет в каждом из нас. Мы все-таки хотим высокого... Ведь Россию связывает не железная дорога, а речь».

Чтобы Россия окончательно не утратила самобытность своей национальной культуры, поэт стремился сберечь самые чистые воды русской речи. По его инициативе 6 июня — в день рождения Александра Сергеевича Пушкина — был уч-

режден День русского языка». Кроме того, Владимир Костров являлся Председателем Пушкинского комитета, редактором-составителем таких значительных поэтических антологий, как «Русская поэзия XX века» и «Поэзия Великой Отечественной войны». Живое древо языка не может расти без корней, питающихся соками земли. «Сохранить литературу мы можем лишь через простодушие, через ее слитность с простым народом, через обращение к живому языку, к фольклору», — честно говорил он своим читателям.

Вся русская литература заключает в себе великое духовное наследие. Искомое единство поэзии и народной судьбы Владимир Костров находил в классической традиции:

Когда мне становится грустно,
когда невозможно уже...
читаю. От лирики русской
рассвет наступает в душе.
Как будто бы солнышко брызнет,
надежду неся и привет.
В ней нет отчужденья от жизни
и едкого скепсиса нет.
Как будто бы подем в тумане
идешь, погрузившись до плеч, —
врачует, колдует, шаманит
широкая русская речь.

Мы видим предельно родственное освоение отечественной поэзии автором. Он плоть от плоти, сокровенная часть ее творческой языковой стихии, в основе которой лежат глубинные народные принципы. Мысль Гоголя о высоте и простоте русского языка и русского человека одновременно можно в полной мере отнестись и к Кострову, который не считал классику чем-то архаичным, безвозвратно ушедшим в прошлое. «Она — совершенство», — подчеркивал поэт. Поэзия же — душа подвига, обращающая красоту в добро, в правду, в истину, которые ищет и находит художник. Литература, поэтическое слово помогают преодолевать всеобщее разобщение, вражду, отчуждение. Именно поэзия возвращает нас к истокам исторической памяти, к ясному осознанному единству всего живого на земле. Владимир Костров жил и творил в непрерывном диалоге с русской классической литературой. Его слово — целая и бесконечная Вселенная...

Однако поэзия — не только жанр. Это особая нравственно-эстетическая стихия. «Гнев рождает поэта», — гласит латинское изречение. «Не трогайте жанр, излучающий жар. / Поленья рассудка в пылянье напева. / Поверьте, проверьте — поэзия шар, / Поедешь направо — приедешь налево», — автору очевидно, что нельзя свободные чувства вместить лишь в рамки рационального. Логике вопреки в поэзии можно быть умным, как ни парадоксально, даже без ума. «Поэзия — угол, я вам говорю, / Где редко, но мы преклоняем колени», — Владимир Костров здесь явно вступает в переключку с поэтом Павлом Коганом, когда-то тоже написавшим незабываемые строки: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал». Неудивительно: у творцов особая химия в крови — феноменальное явление, близкое и самому Кострову. Что примечательно: по первой своей специальности он — инженер-химик, занимавшийся исследованиями в сфере технологии экранов. Оказывается, ничего не проходит бесследно. «От гаджета к книге» — вот современный девиз, им же изреченный. Но художнику, как воздух, необходимо еще и волшебное чувство меры. Чтобы не случилось смешной и грустной истории, какая произошла с одним из его персонажей, графоманом, принесшим в «солидный журнал» свой «незрелый корявый стишок».

Так в чем же неодолимое лирическое обаяние Владимира Кострова? Прежде

всего, в том, что он — художник искреннего, открытого чувства, сильной поэтической энергии.

Громок ты и успеха достиг,
и к различным эстрадам притерся.
Только русский лирический стих
вроде как-то стыдится актерства.
Словно скрежет железа о жель,
словно самая пошлая проза,
неуместны заученный жест,
модуляция, дикция, поза.

Вначале было Слово — и этим все сказано. «Когда пишешь стихи, они всегда приходят к тебе от природы. Через природу человек ощущает мир и пытается выразить его через слово», — открывал в себе самом и в мире эту естественную, первозданную истину поэт. Глубинная по замыслу Творца гармония слова не должна быть разрушена. Наперекор чужеродной моде Костров придерживался чисто русского строя языка. «Поэзия всегда знает жизнь в целом», — как бы невзначай отмечал автор, подтверждая собственное высказывание в строках: «Да, я стихи колоннам майским / На Красной площади читал». Творчество Владимира Кострова — яркий пример бережного отношения к родному языку. Помня об этом, отныне и впредь — как единый народ — мы обязаны сохранить чистоту русской речи.

«Я народную песню пою...»

*Все мое у меня под рукой.
Ты, Россия моя, наградила меня
Песней, женщиной и рекой.*

Владимир Костров

Сегодня, когда больше пишущих, чем читающих, падает интерес и к литературе, и, в частности, к поэзии. Но по-прежнему слово и музыка являют собой совершенное искусство и создают целостное представление о человеке и мире. Музыка и поэзия — категории непреходящие... Владимиру Кострову посчастливилось найти точки соприкосновения этих двух самостоятельных искусств. Его авторское творчество стоит разделить на поэтическое и песенное.

На стихи поэта написаны песни многими известными композиторами, среди которых Александра Пахмутова, Вано Мурадели, Раймонд Паулс, Лора Квинт. Среди исполнителей песен — Сергей Захаров, Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова, Анатолий Папанов, Юрий Алябьев, Николай Романов... Один из дисков серии «Легенды фирмы “Мелодия”» посвящен как раз песням на стихи Кострова. Разве кому-то не известны его вдохновенные строки, ставшие популярной песней?!

Здравствуй, мир! Здравствуй друг!
Здравствуй песен щедрый круг!
Здравствуй, миг! Здравствуй, век!
Здравствуй, добрый человек!

Как поэт-песенник он органичен в этом неразрывном музыкальном круге. В творческом багаже автора более двухсот песен! Владимир Костров неоднократно был лауреатом конкурса «Песня года». «Вообще нашему миру не хватает музыки и поэзии...» — справедливо считал поэт. Современные люди гораздо лучше и легче воспринимают поэтическое слово благодаря музыке и мелодичному звучанию слова. Звук и ритм — черта нового времени. Не случайно в стихах Кострова кри-

тики отмечают «интеллектуальный блеск, афористичность, ритмически неровную поэтику».

Нет. Звон трамвая не стреножишь.
Попсу вокзалов не уймешь.
Мой город, ты меня тревожишь,
Укрыться мраком не даешь. <...>
Как будто некий гений юный,
Сжимаемая скрипку у ланит,
Играет ночью полнолуной
Безумный вальс оград чугунных
И железобетонных плит.

Вот вам, утомленные постмодернисты, виртуозная игра несдающихся шестидесятников! Изысканный словесный танец, мелодия уснувшего города, созвучная душевному состоянию автора. Истинный крест, завидуй, представитель электронной эпохи! Попробуйте добиться такой художественной выразительности, граничащей с тонко-музыкальными переходами из прошлого в настоящее, из реального в будущее, быть может, и дальше — в таинственную вечность...

Отсюда крайне ощутима и близка читателю эта костровская тоска по щемящерадной песне, олицетворявшей советскую страну. «Такого певческого чуда / Уже не будет никогда», — сколько сожаления, боли о чем-то неповторимом и дорогом сокрыто в пронзительных словах поэта. Осмысливая судьбы нашей культуры, Вадим Кожин писал: «...русская песня представляет собой, в сущности, слияние, органическое единство этих трех искусств — музыки, искусства слова и, в известной мере, театра, ибо певец так или иначе создает определенный образ человека... То, что в начале всегда Слово — неотъемлемая особенность, сама природа отечественной культуры... Музыка как бы претворяет стихотворение в Слово — роль музыки в судьбе русской поэзии вообще нельзя переоценить... Песня — своего рода средоточие, “центр”, “ядро” отечественной культуры, в которой сливаются воедино ее ценнейшие достижения...»

Владимир Костров не любил ложный пафос — устаревший прием как в театре, так и в поэзии. Хотелось бы напомнить, что в основе всех искусств лежит Образ, и живопись тоже сочетается со всеми другими видами искусств. Исчерпывающе точно, лаконично автор объясняет свою эстетическую позицию, причем ничего не навязывая, ни в чем не настаивая. Более того, какой отменный вкус у него к литературе, к поэзии, к искусству вообще!

Непродвинут я в общем строю,
Мне по жизни немного нужно.
Я народную песню пою —
Потому что она простодушна. <...>
Мой гламурный, продвинутый брат,
Инвективы твои надоели.
Забери себе «Черный квадрат».
И оставь мне «Грачи прилетели».

Да, некая саркастическая насмешка. Художник предпочитает реализм. Отстаивает, увы, немодную нынче традицию. Но в этом высвечивается историческая и человеческая правда его жизненного слова. По мысли Кострова, свобода слова, свобода художника «не означает свободу от заповедей Божьих и человеческих». Искусство не должно быть разрушительным, подчеркивал он, тем самым призывая нас к созиданию и духовному просветлению. Ведь вокруг и так слишком много мрака. Поэзия, искусство становятся средством влияния на душу человека, становятся инструментом его внутреннего преображения, одновременно превращаясь в священный центр всей русской культуры. Нам необходимо вернуть себя к

предпочтению присутствия Бога и его энергии во всем: в природе и ее красоте, в гармонии слов и звуков, в эстетическом проявлении. Вернуть себя к восприимчивости Божьего мира и осознанию главенствующей роли Бога во всех событиях и явлениях в истории человечества. Тогда нам откроется кладезь духовных сокровищ и щедрых Божьих даров.

Сквозная тема в творчестве Владимира Кострова, напрямую связанная с отечественной классикой, — русские поэты, томимые творческой искрой, поэты, воспевшие Россию и убитые собственной страной, вырванные с корнем из ее жизни, словно сорная трава. Что ж, Россия ведь неслыханно богата, стоит ли ей особенно ценить кого-то? В стихах Кострова слышится отчаяние за трагизм их судьбы. Кажущаяся подчас легкость авторской строки обманчива. Вспомните признание русского песнопевца Сергея Есенина: «Осужден я на каторге чувств. / Вертеть жернова поэм». Работа над словом — труд не менее тяжкий, чем физический. Непрерывающийся труд души. Но поэты бывают разные, в праве ли каждый из них считать себя поэтом? Костров дал блистательный ответ и графоманам, и тем, кто мнит себя «героями и мучениками оаций», кто уверовал в то, что останется в цене: «И, пожиная что посеяно, / Над тем подумай, старина: / А любит все-таки Есенина / Россия, дикая страна». Исторический значителен, неповторим у автора и образ Николая Рубцова. Ему удалось реалистически правдиво передать колорит настоящего: «Терпенье, люди русские, терпенье: / Рассеется духовный полумрак, / Врачуются сердечные раненья... / Но это не рубцуется никак». Родство по слову рождает духовное родство. Тут важно испытать момент катарсиса, о чем говорили древние греки. Эта «бездомность» Николая Рубцова, Владимира Соколова — голая правда сиротства — будто нашли тихий и надежный приют в стихах Кострова: «Он жил вне быта, только русским словом. / Скитания, бездомье, нищета. / Он сладко пел. Но холодом медовым / Суровый век замкнул его уста». Один поэт читает другого, и он слышит его через годы, оставив далеко позади тот беспощадный век, слышит Божье озаренье Рубцова — поэта прощения и жалости, пьет родниковую чистоту его речи, не обрамленную красотою.

Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник над ней. <...>
И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней ни делай,
Она восходит, Колина звезда:
Звезда полей во мгле заледенелой.

Звезда Рубцова навсегда взошла над небом России, пророческие строки русского лирика сбылись: «Звезда полей горит, не угасая...» Горит, милосердно освещая путь другим творцам. Поэтическая исповедь и отповедь, которые представляет читателю Владимир Костров, то исключительное мастерство меткой детали, широкой традиции классики и катарсиса, уходящей корнями в глубь веков, расширяют рамки нашего мировосприятия поэзии, дают целостное историческое видение неповторимости личности этого уникального художника слова.

Когда самое главное осознано и написано, Владимир Костров приближается к постижению своего поэтического предназначения, можно сказать, делая это в программном произведении: «Завершаю жизненную драму, / Веря в Вифлеемскую звезду. / К ближнеперedelкинскому храму / Переулком из дому иду». Небольшой автобиографический эскиз: в 1961 году поэт вошел в литературу и с той поры начал бывать в Переделкино. На протяжении более полувека всей его творческой работы он прожил там не одно десятилетие. «Островок в том самом цыганском таборе», — так Владимир Костров называл то легендарное место, через которое пролегла его литературная дорога. Дом творчества помогал художникам обрести духовную свободу. Переделкино — не просто знаменитое дачное

местечко. Этот поселок, обладающий особым укладом и философией, который в свое время был передовой культурной столицей СССР. Именно там по-настоящему раскрывались те, кого считали ведущей элитой страны. Чуковский, Фадеев, Кассиль и многие-многие другие. Милые привычки, вечерние посиделки, запутанные человеческие отношения, любовные драмы, головокружительные взлеты и поломанные судьбы? тайное и явное — одним словом, целая история-эпоха в лицах, длящаяся и сегодня...

Но для Владимира Кострова это больше, чем полузабытые мелочи жизни, гораздо больше, чем судьба. Это — дорога к храму длиною в жизнь...

В этом храме старенький священник
Тихую молитву говорит.
Я молюсь на Бога-Человека.
Он мне указал на свет и тьму
И не дал за творческих полвека
Надоеть народу своему.
Никакой я вовсе не вития.
Плосок мир. Ломать его нельзя.
И в меня вонзает Византия
Черные сионские глаза.
Вновь в тысячелетиях не лишний.
В центре мира — мать сыра земля.
Рядышком смиренное кладбище,
Где лежат мои учителя.

В своем поэтическом пространстве он соединяет земное и небесное, «мать-сыру землю» и Солнце веры, — и в этом как художник видит собственную ценность. Небесное — Храм. Земное — погост, конец человеческого пути. Мать сыра земля символизирует в фольклорной традиции славянскую богиню-мать. В былинах и молитвах ее называют мать сыра земля — Богородица. Слово целительное молитвенное заклинание — пронзительное прощение и прощание — звучат наполненные надеждой завершающие строки:

Глубину земли нельзя измерить,
На свечах сердечки из огня.
Я пришел надеяться и верить.
Родина моя, прости меня!

Спасибо поэту за глубокую преданность родной культуре, за красоту и пронзительность его поэзии, за великую человеческую веру и любовь... «Стихи пишутся, и это удивительно. Самый большой страх для меня, когда перестанут писаться стихи, что-то оборвется...» — искренне делился с нами сокровенным Владимир Костров. Но не обрывается нить... Народной памятью и вечностью хранимы и великая поэзия, и ее гениальные творцы.

